

ЗА РОДИНУ

№ 136 (536)

Вторник, 20-го июня 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенрос. Редакция: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную Русскую Почту: Feldpost Nr. 39609 Rn (Z. R. P.) «За Родину». Подписка принимается во всех почтовых отделениях по стандартному объявлению 30 руб.) посылать почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 «Sa Rodnu»

Группа пленных солдат англо-американской армии вторжения ожидает дальнейшей отправки в лагерь.

Урок немецкого языка

А. Стенрос

Никакие потуги лучших гуманистов, никакие «учения» и «движения», никакие международные институты, вроде Лиги наций, с ее комиссиями и подкомиссиями по разоружению, не смогли предотвратить вторую мировую войну.

Не смогли потому, что на всякую попытку найти способ заменить войну мирным разрешением противоречий и конфликтов, в первую очередь отзываются прохвосты всех мастей и рангов, хищники и наживалы, использующие лучшие человеческие побуждения для осуществления грязных дел, превращающие любое бескорыстное гуманитарное предприятие в черную биржу.

Впрочем, пресловутая Лига наций, родившаяся под бутафорскими крыльшками «голубя мира», была зачата самыми матерыми поджигателями войны. Голубь оказался чучелом капиталистического происхождения, а Лига наций — масонским штабом организации и подготовки следующей войны.

Лига наций, как одно из основных звеньев версальской цепи, по духу и истинным своим целям была глубоко враждебна германскому народу, но он довольно долго представлял собой в ней, пользуясь всеми средствами, чтобы найти путь к мирному удовлетворению своих законных жизненных прав. И даже после полного разочарования в попытке осуществить это с помощью Лиги наций и выхода из нее, — в развитии дальнейших дипломатических отношений со своими антагонистами неизменно проявлял волю к миру.

Всем должно быть памятно двукратное предложение Фюрера во время войны, прекратить ее и приступить к мирным переговорам. Это факт огромного исторического значения; его никто и никогда не сумеет обойти при определении ответственности за нынешнюю войну. Вдохновителям и зачинщикам ее каждое такое предложение представлялось как признак военной слабости и неуверенности Германии в своих силах. И после каждого отказа от мирных предложений, плутократы предметно убеждались в опрочечивости своих предположений.

Казалось бы, это должно было научить серьезнее и с большим уважением относиться к германским предложениям и предостережениям. Нет. В течение целого года почти англо-американцы, с последовательностью и хладнокровием, достойным лучшего применения, уничтожили европейские исторические реликвии, к войне никакого отношения не имеющие; без малого год они истребляли женщин, детей и стариков, не гнушаясь никакими средствами террора.

В течение года, германское правительство и командование пытались образумить и отрезвить террористов, взывали к общественной совести враждебных стран и, наконец, предостерегали от пагубных последствий.

В ответ на это, англо-американская пропаганда изодралась в иронических анекдотах, из которых явствовало, что предостережения воспринимались как беспочвенная угроза. Террористы понадеялись на безнаказанность. Террор же они с самого начала объявили «войной нервов». Тут очередная неточность, ибо такой метод борьбы не война, а убийство.

Ну, а если уж война, — то она только сейчас началась, ибо до сих пор немцы, стиснув зубы, терпели и не от вечаки. Терпенье кончилось. Немецкие нервы с честью выдержали годичное испытание. Теперь история вывала к экзаменационному столу англичан. В каком состоянии окажутся их нервы, — покажет ближайшее будущее, но можно быть уверенным, что в любом случае англичане получат хороший урок нового немецкого языка, — для террористов и убийц более убедительного. Его в течение года плутократы отказывались понять. Теперь поймут.

НЕПРЕРЫВНЫЙ ОГОНЬ НОВОГО ОРУЖИЯ ПО ЛОНДОНУ

В Нормандии противник проник на западное побережье Шербурга. Восточнее реки Орн неприятельский плацдарм сужен еще сильнее.

Ставка Фюрера, 19 июня. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

В продолжении всего вчерашнего дня, а также и сегодняшней ночью с переменной силой продолжается бомбардировка Лондона и его окрестностей при помощи нового германского оружия.

В Нормандии центр тяжести боев лежал вчера в районе Сен-Совер-де-Виконт. Противнику здесь удалось, введением в бой крупных сил артиллерии и авиации, прорвать заградительные линии германских войск и достичь западного побережья полуострова Шербурга около Барневиль-сюр-Мэр, южнее и севернее которого образован заградительный фронт германских частей.

Восточнее реки Орн предместное укрепление противника еще более сужено. Неприятельские танковые контратаки отбиты. По обеим сторонам Тилли сильные пехотные и танковые соединения противника перешли в наступление широким фронтом. Все неприятельские атаки отбиты.

Северо-восточнее Сен-Ло контратакой ликвидировано образовавшееся в последние дни неприятельское вклинение.

Соединения германских боевых самолетов в водах десантного плацдарма потопили два торговых судна общим водоизмещением в 18.000 брт. и один эсминец. Тяжело повреждены четыре других неприятельских грузовых судна общим водоизмещением в 29.000 брт. и три неприятельских эсминца.

У западного побережья полуострова Шербург огнем германских береговых батарей поврежден один неприятельский эсминец.

На остров Эльба неприятель подвез новые подкрепления. Гарнизон острова под командой доблестного генерал-майора Галла оказывает героическое сопротивление десанту противника. Неприятель понес тяжелые потери. Под давлением превосходящих сил противника германские части в конце

концов отступили на северо-восточную оконечность острова. Бои еще продолжаются.

Восточнее острова Эльба германские торпедные катера потопили английский быстроходный катер и тяжело повредили еще два неприятельских катера.

На участке между Гроссето и Перуджии вчера происходили особенно тяжелые бои. В продолжение всего дня неприятель наступал сосредоточенными силами. Однако, ему не удалось овладеть сколько-нибудь значительной территорией. Осо-

Вновь подвезенные к фронту вторжения немецкие ударные отряды готовятся к контратаке.

Динамитный метеор

Разрушительная сила нового германского оружия

Страшные взрывы и огромные пожары, потрясающие с ночи на шестнадцатое июня территорию Лондона и южной Англии, безусловно, произвели гораздо большее впечатление, нежели вест о начале вторжения на рассвете шестого июня.

Действие новых германских снарядов тяжелейшего калибра, к которым как нельзя лучше подходит название динамитных метеоров, превышает все виденное до сих пор. Отблески пожаров и зарево наблюдались даже в Руане, расположенном на расстоянии двухсот километров от бомбардированных областей.

По всей Англии введена строжайшая цензура, непронускающая почти никаких сведений о новом оружии и последствиях его применения. Корреспонденты английских газет дают о нем много весьма противоречивых сведений. Одни называют его самолетом без экипажа, другие — бомбой, управляемой по радио, третьи называют новый снаряд чудовищной ко-

метой, состоящей из раскаленного массива железа с огненным хвостом на конце.

Применение нового оружия вызвало в Лондоне страшную панику, особенно усугубившуюся тем, что пока не найдено никаких средств обороны. Английская зенитная артиллерия непрерывно ведет сильный заградительный огонь, стремясь создать огненную завесу, через которую не смог бы пробиться ни один снаряд. Это мероприятие, однако, ни к чему не привело. Борьба с новым оружием осложняется тем, что скорость его значительно превосходит скорость самолета. Поэтому, невозможно дать предварительную тревогу и нельзя определить своевременно цель и направление полета динамитных метеоров. По мнению английских военных экспертов, новое немецкое оружие внесет полный переворот в технику воздушной войны. В этой области динамитный метеор произведет такой же коренной переворот, какой в

свое время в сухопутной войне произвело изобретение танков.

Осведомленные немецкие круги пока что ничего не сообщают о секрете нового оружия, однако, не скрывают своего крайнего удовлетворения его действием. Германские военные круги подчеркивают, что динамитный метеор является лишь началом того, что германское командование представляет себе под словом «возмездие». Динамитный метеор поднял лишь первую завесу над тайнами нового германского оружия. То, что немцы смогли сохранить свое оружие до начала решительных событий в Западной Европе, и воздерживались от его применения до начала англо-американского вторжения, наилучшим образом свидетельствует о силе Германии и производительной мощности ее военной промышленности.

Каковы результаты действия непрерывного обстрела южной Англии, точно определить пока очень трудно. Германские разведывательные самолеты сообщают, что над всей территорией южной Англии поднялось густое облако дыма, сквозь которое невозможно произвести какие бы то ни было наблюдения. Один германский самолет прорвался через огневую дымовую завесу у порта Саутгемптона и, несмотря на крайние затруднения, произвел несколько снимков. На снимках ясно видно, что большая часть всего порта и прилегающие к нему кварталы города обхвачены бушующим пламенем.

Другие германские самолеты, возвращавшиеся с боевого полета над Англией, отметили, как крупный караван судов, шедший по Ламаншу с урсом на юго-восток, внезапно зареялся. Пламя вспыхнуло почти одновременно на всех судах, превратившись в пылающие факелы. Караван судов, повидимому, попал в сферу огня германских динамитных метеоров. Я. Смирнов.

Это не поможет

Стокгольм, 19 июня.

Корреспонденты шведских газет сообщают из Лондона, что английская зенитная артиллерия получила новые указания для борьбы против нового германского оружия и приказ пытаться сбивать отдельные снаряды, пока они не достигли густо заселенных областей. Зенитная артиллерия, с целью наибольшей концентрации, будет переброшена в малозаселенные районы Английской зенитной артиллерии предписано теперь вести прицельную стрельбу по каждому отдельному германскому снаряду.

Нервы англичан слабеют

Стокгольм, 19 июня.

Английская газета «Ньюс Кроникл» поместила письмо одного раненого, прибывшего с фронта вторжения. В письме англичанин касается настроения, царящих в Лондоне с началом высадки англо-американских войск в северной Франции.

«В Англии люди проявляют сильную усталость и порой доведены до отчаяния, — пишет автор письма. — Сообщения газет и недельные обозрения вносят в представление читателей только полную путаницу...»

На фронте вторжения

Новая концентрация англо-американских войск

По последним сведениям, полученным с фронта вторжения, следует, что англо-американцы бросили на свой десантный плацдарм около тридцати дивизий и ряд специальных частей. Таким образом, генерал Монтгомери отправил на фронт почти все свои войска. Начать какие бы то ни было другие операции он больше не в состоянии, так как оставшиеся еще в его распоряжении пять-восемь дивизий ему потребуются, как резервы и пополнения для сражающихся те-

перь англо-американских войск в Нормандии.

Таким образом, из всех войск вторжения генерала Эйзенгауера, сорок процентов уже связано боями. При этом самым характерным является то, что Монтгомери до сих пор не удалось достигнуть ни одной из своих оперативных целей, заключающихся в полном захвате полуострова Контентена и овладении морской крепостью Шербургом.

Оставшиеся в Англии 50-60 дивизий Эйзенгауера, в числе которых имеется четыре воздушно-десантных, стоят на юго-восточном побережье Англии, в Лондоне и в районе между Лондоном и устьем реки Гумбер. Отсюда можно вывести некоторые заключения о дальнейших намерениях англо-американцев. По всей видимости, Эйзенгауер намерен предпринять попытку высадить значительную часть этих сил на бельгийско-французское побережье, примерно между Остенде и Дюнкерхеном, чтобы отсюда начать наступление на северо-восток и юго-восток. Предположение, что англо-американцы предпримут новую высадку в Европе, не имеющую непосредственной связи с теперешним плацдармом, кажется вполне вероятным, ибо войска Монтгомери понесли настолько чувствительные потери, что едва ли способны поддержать новый десант операциями крупного масштаба. С.

Лаконическое признание

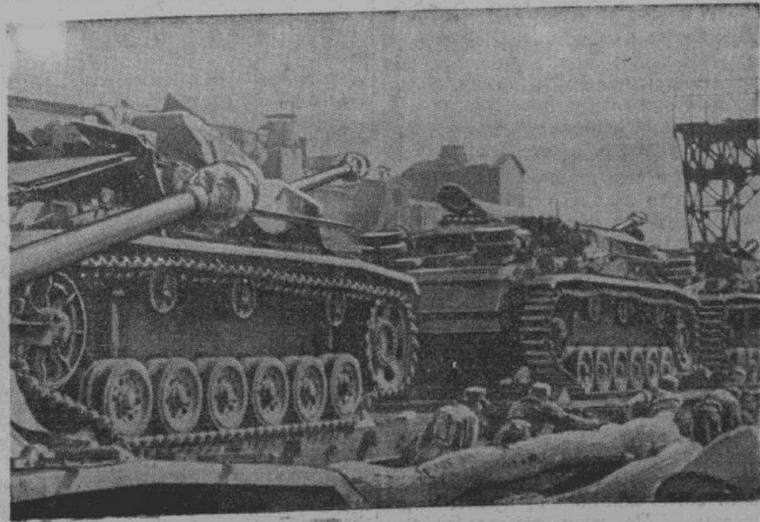
Стокгольм, 19 июня.

Агентство «Рейтер» передало краткое сообщение о том, что в ночь на понедельник продолжалась непрерывная бомбардировка Лондона германскими «неизвестными самолетами». «Рейтер» лаконично добавляет: «Произведены разрушения и имеются потери».

Бои в Финляндии

Гельсинки, 19 июня.

Финское Верховное Командование сообщает, что на Карельском перешейке, между Финским заливом и местечком Вуоксен, противник продолжает свои атаки. Особенно сильные бои разыгрались у Каукьярви Сумма и на перешейке между Меслаанерви и Вуоксен. В ходе боев оставлены Коивисто, Маклакки, Валкаерви и Раути. В течение двух дней уничтожено 51 танк противника. Над Карельским перешейком и в восточной части Финского залива Финские и германские истребители сбивли 28 самолетов противника. Еще два самолета было уничтожено над перешейком Аууд.

Германские танки в пути к фронту вторжения.

Приказ маршала Маннергейма

Гельсинки, 19 июня. Маршал Финляндии Маннергейм подписал следующий приказ: «Противник снова начал крупное наступление. Карельский перешеек, на котором финский народ веками проливал свою кровь, снова подвергся штурму неприятеля. Суровый облик финского солдата времен зимней кампании, его упорная выдержка, самопожертвенность и непоколебимая вера в будущее снова выступают перед нами. В стальном урагане битвы юнши сражаются бок-о-бок с испытанными бойцами.

Финские солдаты! Вы знаете, что судьба Родины находится в ваших руках. Вас не сломят никакие трудности. И прежде вы и все мы вместе выдерживали тяжелые удары, сделаем это также и теперь. Маннергейм».

Потоплены американский линкор и эсминец

Токио, 18 июня. Во время боев у острова Сайпан японские береговые батареи потопили один линкор и один эсминец противника. В результате прямых попаданий загорелись и тяжело повреждены еще два неприятельских эсминца.

Эти потери представляют лишь часть общего урона, понесенного американским военным флотом в результате безуспешной попытки высадиться на острове Сайпан.

Сильные бои на западном фронте

Успех германских контратак в Нормандии

Ставка Фюрера, 18 июня. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает: Лондон и его окрестности попрежнему подвергаются почти непрерывной тяжелой бомбардировке с помощью нового оружия.

На нормандском побережье противник безуспешно атаковал германские оборонительные линии на многих участках фронта сильными пехотными и танковыми силами. В районе севернее и юго-западнее Тилла германские танковые соединения отбили все атаки врага. Незначительное местное продвижение было немедленно ликвидировано контратакой. Восточнее Комаона германские войска, наступающие в северном направлении, захватили ряд высот, расположенных южнее Ливри. Центр тяжести боев лежал вчера в районе юго-западнее Баллера, где американские части крупными силами пытались прорвать германский фронт в направлении на Сен-Ло. Все атаки противника, после ожесточенных переменных боев, были отбиты с большими потерями для него. На одном только этом участке враг потерял более тысячи человек убитыми. Под влиянием тяжелых потерь, противник, обращенный в бегство, вынужден был вернуться к своим исходным позициям.

На полуострове Шербург противник продолжал вести свои атаки в районе Сен-Совер-ле-Виконт, но достиг лишь незначительного выигрыша территории. Сильные соединения германской авиации в течение всего дня успешно поддерживали германские войска.

Германские бомбардировщики и торпедоносцы достигли вчера попадания бомб и торпед в четыре корабля у предместного укрепления противника. Отмечены взрывы и

пожары. Кроме того, сильно поврежден тяжелый крейсер противника.

Западнее полуострова Шербург германский караван судов отразил нападение вражеских быстроходных катеров, потопив при этом один из них.

В устье Сены германская береговая артиллерия достигла попаданий в ряд военных и транспортных кораблей противника.

В западной части Ламаша германские подводные лодки потопили три неприятельских эсминца.

Легкие и тяжелые зенитные батареи с начала вторжения сбили 301 вражеский самолет, пять грузовых планеров и уничтожили 20 танков. Кроме того, тяжело поврежден вражеский крейсер.

Высадившись на севере и юго-востоке острова Эльбы неприятельские части сброшены в море. Только у Марина противнику удалось удержать небольшое переднее укрепление. Здесь, как и в районе Каподивери, где противник вчера высадился вновь, продолжают еще тяжелые бои. Береговые батареи острова Эльба повредили английский крейсер типа «Лондон».

Центр оборонительного сражения в средней Италии попрежнему лежит к югу от города Перуджия. Несмотря на введение в бой массы танков, врагу удалось лишь на нескольких участках фронта немного потеснить германские войска.

В Генуэзском заливе произошло несколько стычек между германскими охраняемыми судами и быстроходными катерами противника. При этом было тяжело повреждено несколько катеров противника.

У Адриатического побережья около Сен-Джиджи германская артил-

лерия потопила два небольших десантных судна противника.

На восточном фронте отмечены лишь местные бои на Березине, юго-восточнее Витебска и юго-восточнее Новоржева.

Сильные соединения тяжелых германских бомбардировщиков прошлой ночью совершили удачный налет на железнодорожные узлы Гомеля, Новозыбка и Шорса. В железнодорожных сооружениях, складах боеприпасов и горячего возникли сильные взрывы и большие пожары.

Германские истребители и судовая зенитная артиллерия сбили 37 советских самолетов, атаковавших германский караван судов у побережья северной Норвегии. Тридцать других советских самолетов сбито германской противовоздушной обороной при налете на Киркинес.

Прошлой ночью одиночные британские самолеты сбросили бомбы в районе Берлина и в Рейнско-Вестфальской области.

Германские боевые самолеты бомбардировали намеченные цели в юго-восточной Англии.

На Карельском перешейке

Гельсинки, 19 июня.

На Карельском перешейке продолжают ожесточенные бои. Советские части, с помощью свежих подвездных бронетанковых сил, штурмовой авиации и массивированной артиллерии усилили свой натиск в направлении на Выборг. Финские войска в тяжелом бою воспрепятствовали попыткам противника добиться прорыва, оградили несколько вклинений и очистили их от частей противника контрударами. В ходе боев финские войска оставили поселки Куоламарви и Перкярви. За последний день противник в боях потерял свыше двух тысяч человек убитыми, а в воздушных боях и огнем зенитной артиллерии уничтожено сорок девять советских самолетов.

ЕВРЕЙСКИЙ ФЛОТ

Из США сообщают, что там должен быть организован еврейский флот.

— Господин адмирал, все хотят быть радистами для того, чтобы иметь возможность принимать курс биржи.

„ИСПЫТАНИЕ НА СМЕЛОСТЬ“

Из заметок фронтовика

протренировалась немецкими снайперами, которые сидели в блиндажах в двухстах метрах от НП. Связи на НП не было. И задача каждого командира заключалась в том, что он должен был подвездать себя опасности, если бы он дерзнул посмотреть на передний край обороны противника. Командир имел возможность счастливо закончить свое дежурство, отделавшись ранением. На плохой конец его могли просто убить ни за что,

без всякой цели. После такого «испытания на смелость» становится тошно служить в этом подразделении. Мне хотелось, чтобы эти строки после моей смерти прочитал бы умный человек. Да... Вот так мы и воюем. За это нас и бьют. Через то нам и трудно. Теперь, когда каждого человека нужно беречь, а командира даже охранять, у нас откалываются такие штучки, как это никому ненужное «наблюдение».

«Передовой элемент»

В номере 83 центральной «Правды», где-то на задворках, мелким шрифтом поместили отчет лектора Джамбульского, обкома партии, о поездке в Луганский район...

«...Заведующая женотделом райкома Житписова не только не знает решений конференции трех министров иностранных дел, но даже не знает, где она происходила...»

...Уполномоченный наркомата заготовок т. Измухамедов тоже политикой не интересуется, за событиями не следит. Ему не до политики. Он с головой ушел в заготовки...

...Заведующий райнаробразом Кестибаев даже газету не читает. Сведения его о положении на фронтах Оте-

чественной войны, о событиях за рубежом были постыдно скупы...

Вот вам портреты руководителей, воистину достойные сталинской эпохи! Сквозь партийные чистки, ежовщину и самокритику они сумели до наших дней пронести незапятнанными свои партбилеты. Их никто не тронет. Они не скажут и даже не подумают, что Сталин в чем-либо неправ. Политика их не касается. Они знают цену сталинской политики. Им нужен кусок хлеба с маслом за выполнение какой-то работы, строго ограниченной «от сих и до сих». На большее они не способны. Это люди, которые нужны и которыми держится сталинская система. Они сидят не только в Луганском районе. Они рассеяны повсюду.

(Продолжение 23-го)

— Как? — чуть не вскрикнула Ольга. — Знаменитый Менцерт? Великий естествоиспытатель, психиатр и историк? ...

— Вы знаете его имя, оставшееся и поныне гордостью и славой. Профессор Менцерт увлекать тысячи слушателей всех национальностей, собиравшихся со всех концов мира послушать его лекции. Могли ли они не увлечь меня? ... Когда и как я стал масоном, вы знаете из моих воспоминаний. Но о Менцерте и его роли в моем вступлении в число свободных каменщиков я не сказал ни слова... Не посмей я написать и того, что тот же Менцерт, погубивший меня, стал моим спасителем... Он раскрыл мне в последствии настоящую цель и средства...

— Как же могла произойти такая перемена? — спросила Ольга.

— Зная, что вы можете быть окружены шпионами, я боялся сообщить вам ту правду, знание которой составило для вас страшную опасность. Но я заранее решил передать вам остальное на словах.

— Вы говорите о Менцерте? — спросила Ольга.

— Да, о Менцерте, бывшем масоном 33-го посвящения... Это последняя степень, дающая звание «великого мастера и члена верховного санхендрина», то есть, возможность быть одним из нескольких сот человек, не более того, на весь мир, знающих истинные цели и средства всемирного

масонства, знающие также его неразрывную связь с иудейством, верней сказать, — его происхождение от иудейства, создавшего в отдаленные века древности страшное орудие «тайного общества», называвшегося с 16-го века масонством. Надолго ли еще останется это имя? Как знать...

— Об этом говорит Конон Дальбанчелли, смелый француз, образовавшийся пять лет назад антимасонскую лигу во Франции. Вы дали мне читать одну из его брошюр, Рудольф.

— Да, благодаря Богу, историю существования тайных обществ начинаю понемногу раскрывать добросовестные историки. Школа Тэна сделала свое дело. Ученики его смело идут по указанной им дороге, называя вещи своими именами. Но внутренний строй масонства и, главное, средства его влияния на судьбу современных государств и народов остаются открытыми непроницаемой тайной, уже потому, что всякого, кто осмелился приподнять завесу, скрывающую эту сторону масонского вопроса, ожидает смерть... быстрая, неизбежная.

— В таком случае, молчите... Ради Бога, молчите, Рудольф. Я не хочу ничего знать... не хочу подвергать вас опасности...

Красивое молодое лицо серьезного ученого осветилось.

— Ольга... Эти слова... этот тон... Они заплатили мне вперед за все опасности будущего.

Молодая женщина опустила глаза.

Судьба военных инвалидов в США

В США насчитывается 1.300.000 людей, искалеченных на фронте.

Как и во всех прочих псевдодемократических странах, в Северной Америке, люди, выброшенные в силу увечности из рядов армии, оставлены на произвол судьбы.

Тяжело раненый в оба плеча американский солдат, боец гвадалканарского фронта, по выписке из лазарета не был в состоянии пошевелить как следует руками. В поисках работы он отправился на одну фабрику, где ему предложили... катать тапки. Инвалид предпочел работу голодной смерти, в результате чего через месяц совершенно выбыл из сил.

Искалеченный парашютист американской армии прислал письмо в редакцию американского журнала «Лайф», в котором жалуется на горькую участь демобилизованных увечных воинов США.

«Я — демобилизованный калека, — пишет он, — то, что мне приходится переживать в собственном отечестве, представляет собой ад. Если бы я был в состоянии поднять руку, мои земляки получили бы от меня оплеуху. К нам, увечным, относятся не только равнодушно, по отношению к нам не соблюдают даже элементарные правила приличия...»

Еврейский капитал не любит заботиться о людях, уже ему ненужных. С. Б.—ов.

В советском тылу

Гласновским райкомом партии (Тамбовская область) за поразительные настроения и антисоветские высказывания сняты с работы и исключены из партии 44 коммуниста. Все исключенные из партии арестованы органами НКВД.

По признанию газеты «Советская Чувашия», в настоящее время свыше 3.000 школьников Чувашии больны заразными болезнями, полученными ими в лагерях для вспомогательных работ, в которые согнано около 10.000 малолетних чувашей.

Сольвычегодский район Архангельской области план развития животноводства выполнил только на 27 процентов. Положение с кормами в районе катастрофическое. В колхозе имени Сталина из-за отсутствия кормов в этом году падь весь скот.

Казанский кожевенный комбинат прекратил работы ввиду полного отсутствия сырья. Все рабочие и служащие комбината переведены, частью в оборонные предприятия, частью — на полевые работы.

Иудейская сутолока в Швейцарии

Берн, 18 июня.

Швейцария переполнена иудейскими беглецами из Италии. Шумное поведение спекулирующих иудеев навлекает на себя недовольство местного населения, не привыкшего к иудейской сутолоке. Дело дошло до того, что на заседании швейцарского парламента был поднят вопрос о неприязни местного населения по отношению к еврейским «беженцам», навондившим Швейцарию.

Быть может вырвавшиеся из ее души слова сказали больше, чем она хотела...

Рассказав историю своего знакомства с гениальным ученым, которого обожали студенты и уважал весь образованный мир, Рудольф Гроссе пояснил, как сильно был польщен студент вниманием и дружбой такого человека. Менцерт был уже стариком. Его двадцатипятилетний профессорский юбилей только что был отпразднован в Бонне всей Европой. Но окруженный славой и почетом пятидесятилетний ученый не был счастлив. Одинокий, разбитый разочарованием в идеалах своей юности и изверившийся в человечестве, лишенный семейного счастья он испытывал последнее горе, смерть единственного любимого им существа, — незаконного сына. Юноша двадцати двух лет умер от мучительной и неизлечимой болезни.

— И вот на этого-то юношу я оказался похожим. Странная игра судьбы дала мне черты лица, одинаковую фигуру, рост и манеры человека, совершенно чуждого мне по крови. И это сходство завоевало мне любовь старого ученого и старого масона, обязанного страшной клятвой не любить никого и ничего на свете, кроме тайной цели ордена, о которой я тогда и понятия не имел... Не стану передавать вам подробно, Ольга, каким образом знаменитый ученый, обязавшийся завоевать меня для масонства, почему-то обратившего на меня внимание, оказался не только неспособным выполнить свое обязательство, но даже, больше того, счел своим священным долгом спасти молодого человека от страшного раскаяния, скидав его старостью Менцерта бесплодными сожалениями и мучительным ужасом... Не стану передавать вам

всего, что я узнал от великого ученого. Он должен был рассказать всю страшную правду о действительных масонских идеалах, для того, чтобы разрушить мою веру. В конце концов ему удалось заставить меня ненавидеть и презирать союз, который так недавно еще казался мне святым и чистым. Он сделал больше того. Он доставил мне свободу, воспользовавшись знанием статута, разрешающих выход из ордена масонам первых посвящений. Но я слышал от Менцерта, что и после выхода от Менцерта, что и после выхода от мной учрежден будет тайный надзор, и остерегался подать повод предполагать, что знаю о масонах больше, чем любой «ученик» свободных каменщиков. Благодаря этому, конечно, меня до сих пор оставляли в покое... Но мой бедный друг и учитель... — голос профессора дрогнул и оборвался.

Ольга сострадательно взяла его за руку.

— Я знаю, бедный друг... Он сошел с ума и застрелился.

Профессор Гроссе сверкнул глазами.

— Так говорит вся Европа, оплакивающая смерть великого соперника Гумбольдта... Но вся Европа ошибается. Я знаю иное... Мой великий учитель никогда не был безумным, и не самоубийством покончил он... Я видел его за два часа до смерти. Он пришел ко мне украдкой, в черном парике, скрывавшем его серебряные локоны, с привязанной бородой и синими очками на блестящих умах вечно юных глазах. Он принес мне рукописную книгу, — свои записки о масонстве, все, что он видел и узнал, все, о чем догадывался... Я не читал ничего ужасней этой голодной и бес-

пощадной исповеди. Эта книга, написанная великим ученым, могла бы иметь громадное и спасительное влияние на отношение человечества к масонству... Терзаемый мрачными предчувствиями, знаменитый ученый давно уже собирался написать все, что знал о злодейской международной секте поклонников Сатаны... В последнее время его предчувствия стали действительностью. Его заподозрили в измене ордену и вызвали не суд «верховного санхендрина». Вместо того, чтобы исполнить это предписание, он прокрался ко мне с книгой своих записок в кармане... «Опубликуй эту книгу, когда можно будет спасти христианство». Это были его последние слова. «И что бы со мной ни случилось — молчи!... Не лишай меня последнего утешения: сознания, что я спас тебя, глядевшего на меня глазами моего бедного сына. Дай мне слово молчать, что бы ты не слышал о причинах моей смерти. Я требую этого во имя моей любви к тебе»... Мог ли я отказать такой просьбе?.. Я дал слово и исполнил его. Старик ушел, а я просидел целую ночь за чтением страшных записок, и не раз, Ольга, чувствовал, переворачивая страницы, как волосы шевелились на моей голове, и ужас леденил мою душу... А на другое утро я прочел в газетах о «внезапном припадке сумасшествия» нашего знаменитого Менцерта, во время которого «несчастный ученый» нанес себе семь смертельных ран в грудь и голову. Револьвер моего бедного друга был найден в его окостенелой руке, и никому не пришлось в голову обратить внимание на то, что револьвер этот был шестизарядный... Откуда же взялась седьмая пуля в груди «застрелившегося»?

(Продолжение следует)

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

К ОТКРЫТИЮ ДЕТСКОГО САДА РИГА.

Как уже сообщалось, в Риге в ближайшем будущем по Большой Горной улице 48, для детей-беженцев будет открыт детский сад.

Это даст возможность русским эвакуированным, отправляясь на работу, оставлять своих детей в саду под присмотром опытных воспитательниц.

Желательно, чтобы никто из родителей, занятых на работе, не оставил своих детей дома без присмотра.

Запись детей в детский сад производится ежедневно от 8 до 12 часов в беженском отделе Русского Комитета на Люцинской ул. 38, кв. 8.

ЛЕКЦИЯ ПРОФЕССОРА ПОПОВА

16-го июня профессор Попов прочел в Доме русской интеллигенции лекцию на тему: «Борис Годунов и начало смутного времени». Профессор Попов осветил интереснейшую страницу русской истории. Зал был переполнен. Лекция была выслушана с большим вниманием.

ЗАБОТА ОБ УЛУЧШЕНИИ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ ЭВАКУИРОВАННЫХ ЛИБАВА.

2-го июня сего года в Либава прибыл уполномоченный по делам эвакуированных член Русского Комитета О. В. Анисимов. Он посетил начальника главного отдела здравоохранения,

с которым был разрешен вопрос о скорейшем открытии для эвакуированных больницы, амбулатории, богадельни, детского приюта для сирот и детского сада.

ОТКРЫТ АМБУЛАТОРНЫЙ ПРИЕМ МИТАВА.

При первой городской больнице открыт амбулаторный прием для русских эвакуированных. Прием производится четыре раза в неделю: по понедельникам от 3 до 6 часов вечера, по вторникам, четвергам и субботам с 7 до 9 часов утра.

ЧУДОТВОРНЫЙ ОБРАЗ ИЗ ПСКОВЩИНЫ

Священник православных общин города Кретингена и беженских пунктов, отец Иоанн Иванов сообщил для сведения всех эвакуированных жителей города Пскова, Псковского уезда и губернии, что чудотворный образ Владимирской Божией Матери из погоста Любятого, известный во Псковщине под именем «Любятовский» — находится сейчас в городе Кретингене, в Литве, вместе с причтом бывшего Любятовского погоста.

От кладбища до города полверсты. Там, в городе, люди служат, торгуют, шьют сапоги, чинят ведра. Женятся и рожают детей. В праздники ходят в церковь, а вечером гуляют в городском саду или катаются на лодках.

После обедни о. Иоанн, сняв облачение и захватив крест и кропило, выходит на паперть. Десятка полтора женщин и мужчин ждут у церкви с обнаженными головами.

Тонкие струйки ладана тают в верхушках берез. Где-то кому-то тоскливо пророчит кукушка: ку-ку... ку-ку... ку-ку... Скоро ли придет он сюда? Год, два, три...

«Еще молимся об упокоении»... — Звать-то, звать как?

— Ольга, батюшка, девица Ольга! — шепчет сзади старушечий голос.

«Рабы Божией девицы Ольги». Старушка плачет, прижимая платок к губам.

«Вечная память, вечная память, вечная память!» Псаломщик Иван Ильич берет от батюшки кадило и процессия

двигается дальше. Место старушки занимает полная и высокая дама. — Сюда, батюшка, сюда прошу... Но отец Иоанн смотрит куда-то в сторону.

«А это кого же здесь похоронили? Свежая детская могила с самодельным крестом из березовых палок. Ни надписи, ни цветов.

— Сиротка тут, батюшка, — шепчет кто-то. У слесаря Маркушкина жила. Бедность такая — и—и... — Сиротка? Ишь ты... Рука батюшки тянется к кадилу: «Еще молимся об упокоении»...

Промчались годы. Отшумела война и, следом за ней, утвердился кровавый Октябрь.

Лето. Так же, как тогда, шумят березы и так же вдали одиноко кукует кукушка: ку-ку... ку-ку... ку-ку... Но почему на душе так пусто и мертво и не хочется думать, не хочется знать, сколько еще впереди — десять, пятнадцать, двадцать?

Жизнь теперь измеряется не годами. Она может кончиться сегодня, завтра, через месяц — только потому, что где-то напишут бумажку и кто-то приложит к бумажке печать.

Люди теперь не торгуют, не шьют сапог, не чинят ведер. Они ходят под красными флагами и ночью пугливо прислушиваются к шагам: за кем, о Господи? Потом исчезает один, другой, третий и никто не знает, где они лежат и куда принести им цветы.

Голо и пусто теперь на кладбище. Повалены кресты, сорваны венки, провалились могилы. Никто их не поправляет, не польет травы, не очистит дорожек. Нет уже надписи на воротах и нет и самих ворот: их разобрали на дрова.

Мы идем, пробираясь в кустах, переступая через могилы, идем торопливо и молча, боясь поглядеть друг другу в глаза.

— Вы уж пожалуйста... шепчет отец Иоанн, надевая епитрахиль. — Уж пожалуйста никому... Следят, очень следят. Вчера опять повестку прислали...

Кто мы? Где мы? В какой стране мы живем? Кто разрыл эти могилы, поломал кресты, набросал здесь окурков, бутылок, обрывков газет? Кто оплевал, ограбил все? Кто сделал так, что вот этот о. Иоанн стоит сейчас перед своим Творцом, молится о моем отце и матери и оглядывается на меня, и боится, чтобы не донесли, чтобы я не донес, что он служит здесь, на могилах!... О, Господи!

Так же, как тогда, шумят березы и так же нестерпимо жжет солнце. Но мне холодно. Я зябну...

И все они умерли, умерли...

М. Никонов-Сморodin.

С. Климушин.

«ИМЯСЛАВЦЫ»

Холодный ветер с моря износил их, дрожат, зуб на зуб не попадают. Ничего: стоят сумрачные, неподвижные, молчаливые, не хотят открыть слугам антихриста своих святых имен, не согласны «работать антихристу».

На Соловках «имяславцы» отказались выходить на переключку. Их тащили силой. «Имяславцы» не отбивались, но на переключку молчали. В конце концов от них отступились.

«Имяславцев» набралось в Соловках сто сорок восемь человек. Большая часть из Терской и Кубанской областей, остальные из Сибири и с Волги. Жили они около года на острове Анзере в полной изоляции.

Вскоре совнарком издал секретный декрет — расстреливать отказывающихся от работ. Начальник лагеря Успенский приказал составить акт на «имяславцев» об отказе их от работ. И всех их расстреляли.

Вот что об этом рассказал один из заключенных.

— Никогда не забуду этого ужаса, даже если бы и хотел забыть. Как раз в тот день я был наряжен в караул на Секирную.

Пост был у самого церковного притвора. Оттуда выводили смертников, а расстреливали в ограде. Стреляли часа два. Восемь палачей и сам Успенский.

Смертникам заранее связали руки.

хой. Холодный ветер с моря износил их, дрожат, зуб на зуб не попадают.

Ничего: стоят сумрачные, неподвижные, молчаливые, не хотят открыть слугам антихриста своих святых имен, не согласны «работать антихристу».

На Соловках «имяславцы» отказались выходить на переключку. Их тащили силой. «Имяславцы» не отбивались, но на переключку молчали. В конце концов от них отступились.

«Имяславцев» набралось в Соловках сто сорок восемь человек. Большая часть из Терской и Кубанской областей, остальные из Сибири и с Волги. Жили они около года на острове Анзере в полной изоляции.

Вскоре совнарком издал секретный декрет — расстреливать отказывающихся от работ. Начальник лагеря Успенский приказал составить акт на «имяславцев» об отказе их от работ. И всех их расстреляли.

Вот что об этом рассказал один из заключенных.

— Никогда не забуду этого ужаса, даже если бы и хотел забыть. Как раз в тот день я был наряжен в караул на Секирную.

Пост был у самого церковного притвора. Оттуда выводили смертников, а расстреливали в ограде. Стреляли часа два. Восемь палачей и сам Успенский.

Смертникам заранее связали руки.

ВНИМАНИЮ РАЗЫСКИВАЮЩИХ

Ввиду того, что объявления о розысках поступают в чрезвычайно большом количестве, газета «За Родину» за наименьшим местом, вынуждена оставить некоторую часть из них неопубликованными.

Редакция передает в Центральное Справочное Бюро IV (Центральное Бюро Русской Почты) с целью установить наличие адресов искомым лицам. Центральное Бюро затем, в свою очередь, уведомляет родственников. Поступившая за неопубликованные объявления плата передается в распоряжение организации Русской Помощи.

РАЗЫСКИВАЮТСЯ:

ИЗВЕЩЕНИЕ.

АНТИПОВА, Тамара Никитична из Пскова находится при смерти. Просит сестру Дмитриеву, Антонию из Острова прибыть в Ригу, Московская 131, кв. 19.

ОРЛОВА, Анна Архип. 1904 г. р. и КУЗЬМИНА, Анаст. Архип. 1908 г. р. (сестры) из д. д. Вытебер и Петрово, Сообщ.: Савельевой. Екатор. Арх., Литва, Киданский у., Краков. в. д. Мильвидай.

ОСЮШКИН, Ник. Мих. (сын) из д. Боровки. Сообщ.: Осюшкиной, Василье Сид. Latvija, Tizgas pag. «Licos» c. Lizumi.

ПАВЛОВА, Валент. Фед. 1826 г. р., со ст. Ям. Сообщ.: Павлову, Федору Мих., Litauen, Surviliskiu post. Kedainiu aps. Sinkoniu km.

ПАУШКИН, Влад. Иван. 1919 г. р. (брат) из Гайновки. Сообщ.: Литвинову, Алекс. Иван., Латвия, г. Митава, Вальню ул. 18-7.

ПЕТРОВА, Мария 1912 г. р., с сыном Владимиром 1936 г. р. из д. Лютовичи, Сообщ.: Татьяна Самойловой, Красное, Сиверская ул. 5 (у Опочки).

ПРОКОФЬЕВЫ: Анна Иван. 1922 г. р. и Ант. Иван. 1925 г. р. (дочери), Мих. 65 л., Кондратий 64 г., Сысой 58 л., Сообщ.: Ивану Прокофьеву, Litauen, Rakischken aps. Junodupe, Prugeliai.

ПРОКОФЬЕВ, Сергей 1924 г. р. из д. Прихон. Сообщ.: Прокофьеву, Якову, Litauen, Apsdelschiu Post. Telsche Kr. Kestaitischiu Df. Bei Razma.

ПОЗДНЯКОВ, Иван. Петр. 1910 г. р. из Нов. Петергофа, Сообщить: Семеновой, Вер. Вас. Латвия, Болдерая, Железная ул. д. 3, кв. 2.

ПАВЛОВА, Анна Иван. 1899 г. р. из д. Кшентицы с доч. прож. в гор. Митава, ул. Адольфа Гитлера д. 8, кв. 4.

РЫКОВЫ, Алекс. Андр. и Надежда Троф. (сестра) из д. Дятлицы. Сообщ.: Анне Трофимовне Малюфеевой, Latvija, Piltenes pag. «Abelniekos».

РОПОВКА, Ефросиния Степ. с детьми со ст. Жукювка. Сообщ.: в газ. «За Родину», Роповке, А. Н.

РОДНЫЕ, из д. Шелково. Сообщ.: Борбину, Ивану Матв. Litauen, Darbenaj pastas. Mažiui km.

РОДНЫЕ: из г. Пскова, Сообщ.: Алексееву, Алексею Ив. в газ. «За Родину».

РОДНЫЕ. Сообщ.: Осиповым: Анне, Зое, Марии из д. Червинская Лука, Рига, Болдерая, лаг. беженцев, Осиповой, Анне Дмитр. РОДНЫЕ: Сообщ.: Завьяловой, Антон. Иван. из Б. Вишера, Латвия Болдерая, барак 11.

РОДНЫЕ: Сообщ.: Репину, Амиросию Ив. в газ. «За Родину».

РОДНЫЕ: Сообщ.: Данышину, Вас. Дем. из Красного Села, по ядр. Latvija, Ropaži, Gaujas iela 4. P. n. Garkalne.

РОМАНОВЫ: Ант. Ник., 1924 г. р., Екатор. Ник., 1926 г. р. (дочери), из д. Иванцево. Сообщ.: Романову, Николаю, Латвия, Вольмарск. у., Скандинавская вол., ус. Ведусмеш, Zviedzins.

РОДНЫЕ. Сообщ.: Экуниным: Леониду Алекс. и Нине Иосиф. Latvija, Jaungulbenes pag. «Dzerops. Zviedzins».

РОДНЫЕ. мать с двумя детьми из дер. Сямоново. Сообщ.: Андреевой, Мадонский у., Озненской вол., хут. Залцаи, Латвия.

РОДНЫЕ. Сообщ.: Пакину, Георгию в газ. «За Родину».

РОДНЫЕ из дер. Любятово. Сообщ.: Васильеву, Ивану Кузьмичу, в газ. «За Родину».

РОДНЫЕ. Косорева, Лидия Хорит., 1921 г. р., из д. Амшара, БАХМАТОВ, Иван. Ник., из д. Светилово. Сообщ.: в газ. «За Родину», Александрову, Георгию Никитовичу.

РОДНЫЕ. Сообщ.: Катерине Мих. Петровой, Latvija, Aucē, p. k. 92. «Sudmaļos».

РОДНЫЕ: со ст. Дедовичи. Сообщ.: Васильеву, Андрею, Latvija, Kalnciema «Kaigās».

РОДНЫЕ: со ст. Дедовичи. Сообщ.: Васильеву, Степану, Latvija, Kalnciema «Kaigās».

РОДНЫЕ и знакомые: Волховского р-на, из совхоза «Киров». Сообщ.: Ермилову, Ивану Ник. в газ. «За Родину».

РОДНЫЕ и знакомые: из д. Большая Кебя, Псковск. р-на. Сообщ.: Смирновым, Николаю и Екатерине, Latvija, Rīga, Kaiserwald, Lübeckerstr. 11.

РОДНЫЕ и знакомые: Сообщ.: Агафоновой, Татьяне Сем. Latvija, Dunalkas pag. «Cūcās».

СИНИЦЫН, Фед. Сем., 1907 г. р. Сообщ.: Синицыной, Людмиле, Litauen, Kr. Schaulen. Amt. Pašwētyns. Df. Margai Post. Kriukai. St. Jaloveckis.

СЕМЕНОВЫ: Праск. Иван., 1910 г. р., Федор Мих., 1908 г. р. с детьми: Ниной и Вовой. Сообщ.: Багровой, Марии Иван., Latvija, Pampāju pag. «Skudrās».

СЕМЕНОВА, Сер. Сем., 22 л. из Новая Кересь. Сообщ.: Семеновой, Праск., Rīga, Ludzas iela 36—19.

СТЕПАНОВ, Алексей Степ., 1923 г. р., и ИВАНОВА, Екатерина Иван., 1921 г. р. из Порхова. Сообщ.: Ильину Степану Ильичу, Latvija, Pampāju pag. «Skudrās».

СМИРНОВ, Павел Иван., 1929 г. р. из с. Ивановское. Сообщ.: Смирновой, Анне, Litauen, Mežkuīcā. Norkunai km.

САВЧЕНКО: Мария 1923 г. р. (дочь), Александрина (мать). Сообщ.: Litauen, Aukstadvāris pastas. Bobravnik km. Traku aps.

САВЕЛЬЕВ, Федор Феофанович (ветврач) 1908 г. р. (муж). Сообщ.: Савельевой, Анаст. Дм., Litauen, Krotingen, Meirono Str. 4.

СЕМЕНОВ, Ник. Иван. из д. Промежицы. Сообщ.: Ивановой, Любови Иван. с детьми, Litauen. Kr. Rokischken. Vz. Swedosei. Df. Lerugirei.

СМЕРТНИКИМ ЗАРАНЕЕ СВЯЗАЛИ РУКИ.

Приют в Шедува

В наш жестокий век вопрос о детях всегда будет самым острым, самым насущным. О детях надо писать и говорить без конца. Они требуют к себе большого, большого внимания всех слоев общества и, разумеется, больше всего сироты. Детский приют в Шедува (Литва) — приехал сюда из Гдова. Было около двухсот детей разного возраста. Но больше половины из них разобрали на воспитание

всегда, особенно малыши, бросаются ко мне толпой навстречу, радостно приветствуя. Еще бы! Ведь мы стали друзьями еще в Гдове. И здесь на чужбине сохранилась наша дружба. Дети подрастают у меня на глазах... Они делятся со мной своими маленькими радостями:

— У, сегодня, после обеда были конфеты! — лепечут малыши. Шутя спрашиваю:

новый конь, привезенный сюда также из Гдова. Все его знают и любят.

Макс — полезнейший персонаж для Шедувского детского дома. Он возит воду, дрова, хлеб из пекарни, продукты из лавки, молоко. В баньке дни у него особенно ответственная работа. Запряженный в телегу Макс выступает по улицам поселка и осторожно везет шумную, разноголовую толпу завернутых в одеяла малышей.

Ребята любят поить и кормить Макса и ухаживать за ним. Большое огорчение для детей — если они замечают, что Макс нездоров.

Много вопросов возникает в процессе воспитания. Каждый раз, как я приезжаю, воспитатели просят меня принять участие в их очередном собеседовании о делах приюта.

Один из главных вопросов — о судьбах детей, бывших воспитанников приюта, отданных в хозяйства на воспитание. Многие из них не теряют связи с детским домом. Их тянет к своим сверстникам и воспитателям.

Воспитатели и администрация приюта взяли на себя обязанность инспектировать жизнь своих бывших питомцев. На очереди и другие жизненные вопросы, починка белья и платья, выделение для слабых детей отдельной комнаты, распределение дежурств воспитателей. Надо где-то достать пастбище для имеющихся в распоряжение приюта двух коров и лошади, надо достать посуду (ведь она бьется!) и так далее.

У воспитателей на уме одно: как бы сделать детям лучше, как бы сохранить и воспитать в трудных условиях сегодняшнего дня, для будущей России — этих маленьких русских и не краснеть потом перед Россией, перед теми из родителей этих малышей, которые может быть еще живы и когда-нибудь увидят своих детей здоровыми и воспитанными.

«Наука верней золотой поруки».

в окрестные деревни, где и живут они в крестьянских хозяйствах.

Но около восьмидесяти человек, в возрасте от трех до двенадцати лет — остаются сейчас в приюте.

Там, на родине, при советской власти, многих из них заставляли лепетать: «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство». Но могли ли они благодарить Сталина за отнятых отцов, расстрелянных или увезенных НКВД, мобилизованных на спровоцированную большевиками войну; за погибших преждевременно матерей, за нищенское советское существование?

В Гдове, откуда они приехали в Литву — их два года назад начали собирать в детский дом. Много внимания уделялось устройству этого приюта. Городское и районное управление, немецкая комендантура, комитет местной взаимопомощи — постоянно держали детский дом под своим наблюдением, и постепенно, по мере имевшихся возможностей, проводили все новые и новые улучшения быта детей-сирот.

Эвакуация оторвала их от налаженной жизни и перенесла в новую обстановку.

Они живут сейчас небогато. Они спят не в маленьких кроватках — а на нарах, не на мягких матрасиках и подушках, а на мешках с соломой... Но что поделаешь? Война еще продолжается...

Несмотря на все это, они жизнерадостны, приветливы и дисциплинированы. Дети сыты, живут в тепле, и вполне довольны своими, несколько тесноватыми для них, скупо обставленными комнатами, где они спят, питаются, играют, учатся. Некоторые из них и работают.

Я люблю у них бывать... Они

Будущие строители.

Знаете ли вы, что...

... крокодил-аллигатор очень нежная мать: она самоотверженно оберегает, рискуя собственной жизнью, свое многочисленное потомство от врагов и всячески заботится об их пропитании.

... не одни только живые организмы нуждаются в отдыхе, но также и металлы. Железная проволока, находящаяся в посто-

янном напряжении в течение недели, теряет десять процентов своей эластичности. После однодневного отдыха она снова приобретает ее и годится на прежнюю работу. Стальные рельсы могут существовать долгие годы, если им дается «отдых», если же они работают без отдыха, то не выдерживают и года. Для металлических машин и инструментов тожебывается тоже известное время отдыха.

— А мне вы не оставили?

Маленькая девочка смотрит мне серьезно в глаза:

— А ты тоже хочешь?

— Хочу! Через минуту она приносит в кулачке что-то, тщательно завернутое в бумажку. Конфетка! Девочка обижается, когда я отказываюсь взять от нее этот дар.

Дети в Шедува приехали из России со своими прежними воспитателями. И у них, как это было и в Гдове — есть классы, где учатся старшие, есть хор, есть даже что-то вроде театрального коллектива. Дети изготавливают художественные изделия из картона, цветной бумаги и тряпочек. Старшие из них работают по хозяйству.

Точно соблюдается твердо установленный распорядок дня. Утром малыши до семи лет отдельно, старшие — отдельно — хором поют утренние молитвы. Затем завтрак. Дежурные «старшие» приносят из кухни кофе с молоком, нарезанный порциями хлеб.

После завтрака старшая группа начинает школьные занятия — а малыши, под руководством воспитательницы — занимаются играми. В комнате, то веселый гомон и крики, то вдруг наступает тишина — это воспитательница рассказывает сказку.

В полдень обед. Старушка-повар, Татьяна Сергеевна, много души вкладывает в свое дело, заботясь о пище для детей. Старшие ребята ей с увлечением помогают: носят воду, пилят и колят дрова, чистят картофель, моют посуду.

Вечерние часы — ужин, отход ко сну — все также по расписанию.

Большое удовольствие для ребят — поездка за дровами. Возникают споры — кому достанется честь — управлять Максом. Макс — это сми-

Прасковья Ильинична с трудом вытащила сноп из повети своей избы и засемила в закут. Машка грустными глазами оглядела хозяйку, попробовала замычать, но немощный звук потерялся в пустых обвислых боках.

— На, касатка, на, родимая, — тыча гнилыню солону буренке, приговаривала Прасковья Ильинична.

— Ешь... а я вот схожу в военкомат... может пособят за Егорушку нашего... родимый сыночек два годика уже... и ни слуху, ни духу...

Прасковья Ильинична смахнула фаруком набежавшие слезы и, погладив острые кострецы Машки, вышла из закута.

Март рассолодил снег колючей весенней водой. Веребочные лапы Прасковьи Ильиничны раскисли и холодные струйки иглами вонзались в пальцы. Не заходя в избу, мать фронтовика выбралась на загаженный большак и, запахнув кофту, двинулась навстречу ветру. До Райвоенкомата было двадцать восемь верст.

Егор Катышкин — красноармеец 275-го стрелкового полка, два месяца отвалился в лазарете и в первых числах мая врачебная комиссия признала его годным к возвращению в окопы. Стоя голый у врачебного стола и разглядывая свои, переставшие гнуться, пальцы левой руки, Егор не возражал.

— Только как бы это матери того... сообщить, — мрачно глядя на председателя комиссии, пробурчал он.

— Потому, два года не писал... — Ну и пишете, товарищ, что же вы...

— Да тут балакали, что будто тамбовцев всех эвакуировали... а адресу не знаю...

— Напишите. Мы передадим в радиокомитет.

— Да я матери хотел... а не туда... потому, старая она...

— Ваше письмо передадут по радио. Мать услышит, понимаете вы или нет?

Через час, стараясь ступать на носки, Егор принес в комиссию письмо матери. На обертке от концентрата горохового супа беспорядочно раскорячились неровные, до отказа поваленные вперед буквы:

«Письмо от известнава вашаво сына Ягоря Сидорыча. Ишшо кланююсь усем знакомым, а я все жив пока и из

Перед завтраком.

Приют в Шедува — не «образцовый», не «показательный». Многим он еще не обещан. Но в смысле воспитания, дом стоит в основном на правильном пути.

Вновь образованный в Понежеве комитет местной взаимопомощи взял на себя обязанность всемерно помогать Шедувскому детскому дому.

Анатолий Алексеев

лацарету выписали... Потому, говорят, здоров я. А четыре пальца, што на левой руке, не девствуют. Ишшо кланююсь соседу Ахванасию Акимычу. Пока писать нечего. Остаюсь жив и здоров, таво и вам желаю.

Ягор Катышкин.

**

Безотрадные мысли сопровождали Прасковью Ильиничну по дороге в Райвоенкомат. Чуткое материнское сердце, падкое на разные предположения, билось неровными толчками. Как живой вспоминался Егорушка — большой, белобрысый и тихий, как

ребенок. Как и каждая мать, радовалась Прасковья Ильинична, глядя на сына: такой голубоглазый, мягкосердный детинушка... Да где то он теперь, дите родимое! Может, сложил свою головушку...

В затоптанной, заплеванной пустой комнате, служащей прихожей для посетителей, толпились уже человек двадцать, когда Прасковья Ильинична робко приоткрыла дверь Райвоенкомата. Разбухшие лапы неприятно всхлипывали при каждом шаге и оставляли на полу мокрый след. В комнате не было ни одной скамьи и Прасковья Ильинична робко затиснулась в угол.

Вдруг резкий надменный голос гле-то под потолком заставил всех умолкнуть и насторожиться. Прасковья

Ильинична боязливо покосилась на радиорупор.

Внимание, внимание, говорит Москва. Передаем письма с фронтов отечественной войны...

Вызываем деревню Глухи. Кочки — ревел рупор.

Прасковья Ильинична Катякина, — вам письмо от сына Егора Сидоревича Катышкина...

Испуганно и радостно запрыгало истосковавшееся сердце.

А рупор ревел:

— Здравствуй, дорогая мама! Давненько я не писал тебе, да все было некогда — занят был уничтожением проклятых фашистов. В победном бою под Витебском, где мне удалось подбить девять «тигров» и уничтожить семнадцать гитлеровцев, я был легко ранен, но теперь здоров и вновь рвусь в бой. Мой личный счет мести растет с каждым днем. С начала войны я уничтожил триста немцев. На днях я принят в члены великой коммунистической партии. До свиданья, родная, крепко целую. Мой адрес: Полевая почта номер...»

Но Прасковья Ильинична не слушала. Какой-то грубый и злой образ заслонил в ее воображении тихого Егорушку, а посиневшие губы произвольно шептались:

— Триста человек... Егорушка убивец великий... Грех ты принял несметный на свою душевную... вот оно, несчастье-то мое неизбывное...

Под эти страшные мысли незаметно подошла очередь Прасковьи Ильиничны.

— Когда и где убит сын? — не глядя на нее, спросил человек, с горбатым сизым носом.

— Не убит Егорушка... жив, во сейчас оттедова говорили...

— Что? Откуда говорили?

— Ну, вон... из черной тарелки что под потолком...

— Ах, по радио? Так значит жив?

— Жив, кормилец, жив, родной, да только...

— Отходи, отходи, бабка, пособия выдаем за убитых, отходи!

... и побрела Прасковья Ильинична по раскисшему тракту домой, а в мыслях кто-то чужой, злой и нехороший загоразживал перед ней образ белобрысого, тихого Егорушки.

В. Крушинина.